

ТРАЕКТОРИЯ ЧУДА

АРКАДИЙ
ГЕНДЕР

Аркадий Гендер
Траектория чуда

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Гендер А.

Траектория чуда / А. Гендер — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Ищущий – да обрящет! Вот только если вы большую часть жизни посвятили поискам самой необыкновенной женщины на свете, и встретили ее накануне получения известия, что неведомыми родственниками из прошлого вам завещано шесть миллионов долларов, лучше бы вам сопоставить эти в высшей степени маловероятные в обычной жизни события и быть начеку. Но прагматический ум и обычно трезвый подход к жизни Глеба Неказуева, «московского бизнесмена, зрелого годами и взглядами», полностью оказались во власти эйфории от свалившегося на него как с неба огромного богатства, и он ничего не заподозрил. Что ж, тем хуже для него, потому что неожиданно объявившийся враг кажется всемогущим и непобедимым, ведь даже непонятно – кто он, и как ему противостоять. И потерей неожиданного подарка судьбы дело, похоже, не ограничится, ведь в стремительный водоворот леденящих душу событий, вызванных неосмотрительностью героя, оказывается вовлечен не только он, но и его семья. Так что же – проигравший платит за все? Да, похоже, выхода нет, ведь помочь герою в совершенно безнадежной ситуации, в которую он попал по собственной неосмотрительности, может разве что чудо.

© Гендер А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1. Таша	6
Глава 2. Перекресток полов	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Аркадий Гендер

ТРАЕКТОРИЯ ЧУДА

Осторожнее с прошлым, особенно дары приносящим!

...Я медленно вставал с кресла. Затекившее тело повиновалось плохо, но в конце концов я все-таки оказался на ногах. Но пистолет уже снова был направлен на меня, и я видел, как поблескивает, натягиваясь, тонкая перчаточная кожа на сгибе указательного пальца, медленно, как в кино, надавливающего на спусковой крючок. Я что-то закричал, не слыша собственного голоса, кинулся вперед, и в эту секунду странную тишину у меня в ушах разорвал грохот выстрела. Я зажмурился, ожидая последнего удара...

Глава 1. Таша

Пятница, конец дня

Я ненавижу пятницу. Раньше всегда любил, а теперь – нет. Во времена беззаботного детства, бестолкового отрочества, бесшабашной юности и начала безоглядной зрелости пятница означала, что завтра – суббота, и не надо идти туда, куда все будние дни я ходить был *должен* (в школу, в институт, на работу). А поэтому все мысли были о том, как с пользой для дела (ну – скорее для *тела*, если уж называть вещи своими именами) провести предстоящие субботу и воскресенье, чтобы потом всю длинно-нудную *должную* неделю не было мучительно горько за бездарно потраченные выходные. Но последние лет десять, прошедших в постоянной погоне за вечно ускользающим миражом материальной независимости, мое отношение к пятнице радикально изменилось, потому, как день этот стал, как правило, нести с собой совершенно другие эмоции. Наступление пятницы теперь чаще всего означало, что завтрашняя суббота опять «черная», и пройдет она снова в бесплодных попытках за один день сделать то, что не удалось за целую неделю: хоть немного выровнять постоянно норвивший окончательно завалиться на бок «бизнес», как произносит немного на испанский манер английское слово «бизнес» моя тетюшка. И, разумеется, сделать этого не удастся, потому что чудес не бывает, по крайней мере в моей жизни. А потом будет воскресенье, куцее от такой же бесполезной попытки отоспаться то ли за всю предшествующую неделю, то ли на всю предстоящую. Правда, летом рабочих суббот я себе практически никогда не устраивал, имея сверхмиссию – везти семью на дачу. Но поскольку дачное времяпрепровождение я люблю ненамного больше, к примеру, цианистого калия, то по мне лучше бы работать, чем приобщаться к матери – сырой земле посредством спиногубной прополки грядок и штыколопатного окучевания кустов и деревьев. Но в любом случае, вне зависимости от времени года, предстоящие выходные были лишь короткой передышкой, за которой фатальной неизбежностью маячила зловещая тень новой недели со всеми своими проблемами. И поскольку в этот короткий перерыв ничего такого, чтоб душа развернулась, все равно не светило, то лучше бы их и вовсе не было, выходных этих. В общем, не люблю я пятницу, и совершенно неудивительно, что эта история, так круто изменившая всю мою жизнь, началась именно в этот день недели.

Итак, был вечер обыкновенной, рядовой пятницы, ничем особенным не выделяющейся из череды точно таких же. Разве что – жарко было очень. Но лето вообще выдалось жаркое и, несмотря на близость календарной осени, заканчиваться оно явно не собиралось. Я, Глеб Неказуев, тридцати восьми лет от роду, московский бизнесмен очень средней руки, как самокритично я сам оцениваю свои достижения на ниве капитализма, сидел в одиночестве в нашей крохотной комнатке, которую мы с моим компаньоном Гохой пафосно именуем офисом. Находится офис наш на втором этаже старого невысокого особнячка на Николо-Ямской, бывшей Ульяновской. В открытые настежь маленькие окна, так некстати выходящие на проезжую часть, резал глаза смесью плавленного асфальтом и автомобильного выхлопа уходящий август. Заканчивалась очередная совершенно бездарная с точки зрения бизнеса неделя, которая протекла так же сонно и лениво, как и вся жизнь в ошалевшей от жары Москве.

Делать было нечего совершенно. Оставалось обреченно вздохнуть, встать с кресла, закрыть окна-двери, сдать офис на охрану и поехать домой. Там ждала любимая, в общем-то, жена Галина, дочка – хулиганка Юлька и стандартно вкусный, но такой обычный семейный ужин. Потом, скорее всего, будет обсуждение какой-нибудь особо наболевшей семейной проблемы, если останется время – новости и разной степени мутьности сериал по ящику и, наконец, постель. Не исключено, что Галина наверняка прозрачно намекнет на требования раздела «Обязанности» нашего неписаного супружеского контракта. Я, знамо дело, привычно

объясню совершеннейшую невозможность поучаствовать в этом мероприятии жуткой (прямотаки недельной!) усталостью, и – все, спать. Боже, какая тоска! Что придумать, чтобы рассеять грусть-печаль? Я встал, с трудом отлипнув от кожаной обивки кресла. Был бы Гоха, можно было бы, к примеру, выпить – все какое никакое разнообразие, хотя в от одной мысли о выпивке становилось как-то особенно жарко. Но старый «друзбан» и одноклассник Гоха, а по совместительству – мой компаньон по тщетной борьбе за «прибыля» Гораций Феохтистович Семизуйко еще с обеда укатил на свою фазенду, так как в отличие от меня человеком был вполне земным. Не в смысле приземленности, а в смысле – любит он в земле покопаться беззаветно, и свои шесть соток для него – лучший отдых и релакс. Тут бизнес, понимаешь, стоймя стоит, а ему только радость, что можно с чистой совестью упылить на дачу – дескать, дел-то все равно никаких. Так что даже выпить – и то не с кем. Конечно, можно было позвонить Жанне. Раньше я так и сделал бы, ни о чем другом, кроме встречи с ней, и не мечтая, но сейчас наши отношения были уже не те. С большой вероятностью Жанна примется напоминать, что поскольку ей, как и всей Москве, тоже нужно на дачу, то сделать это она может, либо поехав сразу после работы с мужем на машине, либо на два часа в полной мере погрузиться в ощущения шпротины, утрамбованной в горячую и потную, как бразильский карнавал, жестянку вечерне-пятничной электрички. При этом излагать это все она будет не в утвердительном тоне, а словно советуясь: как мне поступить? Разумеется, из чисто гуманистических соображений я соглашусь, что, конечно, надо ехать на машине, и Жанна с благодарностью согласится. Хотя еще пару месяцев назад она безоговорочно приняла бы участие шпроты. Так зачем вообще звонить? И вообще: хотела бы увидеться, позвонила бы сама! Не хватало еще навязываться. В общем, как в песне – безнадега точка ру. Точка ру, точка ру... Точка, ру! А ведь это – мысль интересная!

Я опять опустился в раскаленные объятия кожаного кресла и включил компьютер. Мощный «Пентиум» в мгновение ока выгрузил на экран монитора мою любимую заставку – атолл с пальмами в пене тихоокеанского прибоя. Эх, вот он какой – рай на земле! Но сейчас задача у меня была более конкретная, чем мечты о недосягаемых южных морях. Я кликнул мышкой значок соединения с Интернетом. Выгрузилась стартовая страница и я, привычно путая на клавиатуре латинские буквы с русскими, набрал в командной строке адрес одного узко специализированного, я бы сказал, сайта. И хотя называется сайт вполне невинно – «Столичные невесты», но содержание его от вопросов матримониализации населения так же далеко, как мои намерения в эту минуту – от желания сочетаться законным браком.

Этот сайт безусловно лучший среди огромного количества аналогичных, рекламирующих в Москве небесплатную любовь. Здесь не просто большой выбор представительниц женского пола на разный вкус и возраст. Главное, что девицы в подавляющем большинстве своем отобраны приличные не только в смысле внешности, но и поддержать беседу между собственно предметами встречи со жрицами любви, как правило, вполне способны. А то ведь когда с дэушкой кроме проверки у нее навыков выполнения команды: «Ложись!» больше и заняться нечем – это скучно, знаете ли, господи!

«Фу, как все это ужасно и цинично!» – воскликнут некоторые. А по-моему, не более, чем вся наша теперешняя жизнь. Если уж дошло до того, что депутаты Госдумы, озабоченные темой легализации и цивилизования сферы этих специфических услуг (нет в стране, конечно же, более важных проблем!) выезжают в подмосковные Химки изучать вопрос, так сказать, в месте его максимальной концентрации, так что же вы хотите от меня, грешного? В вопросе любви за деньги я просто не более оригинален, чем подавляющее большинство граждан одного со мной пола, у которых в кармане хоть раз обнаруживалась сотня-другая лишних зеленых. Только мало кто из них способен в этом открыто признаться, а я не лукавлю и пишу честно. Вот так – делают все, а пишу только я! Но и апологетом такого рода досуга прошу меня не считать. Просто – как еще снять напряжение после трудовых будней? Ибо тяжела

доля современного московского бизнесмена, пусть и очень средней руки. После недели-другой общения с возмущенными заказчиками, обманщиками-поставщиками, оборзевшими крышевыми и иезуитами – налоговыми работниками даже святому захочется оттяга. Да и с точки зрения семейных отношений полезно, ибо хорошо известно, что нечастый левачок делает семейные отношения только крепче.

Вот в таком настроении я задумчиво кликал мышкой многочисленные странички означенного интернет-сайта, подбирая себе спутницу на ближайшие три-четыре часа жизни. Естественно, устроить меня могла не любая. Главное, конечно, чтоб блондинка. Неоригинально? Дело тут не в оригинальности. Тут, можно сказать, трагедия жизни. Все дело в том, что с младшего половозрелого возраста мне, вообще-то, нравились темненькие. Все большие увлечения моей жизни (о них впереди) были окрасом в разной степени насыщенности шатенки. И тут лет пять-шесть назад я с ужасом для себя заметил, что организм начал реагировать исключительно на светловолосых представительниц прекрасного пола, и вскоре дамы всех других окрасов как потенциальные сексуальные партнерши напрочь перестали меня интересовать. Но кроме наличия нужной масти претендентка обязательно должна была еще быть и симпатичной, и умniejsкой (хотя бы с виду), и... в общем, много еще чего хотелось, чтобы было в потенциальной спутнице моей жизни на ближайшие два-три часа.

Но сегодня, похоже, был не мой день. Одну за одной я открывал крупные фотки особ, хоть как-то заинтересовавших меня при предварительном просмотре, но ничего такого, чтоб для души, не попадалось даже в первом приближении. Более того, чем дальше в лес, тем злее, как говорится, становились партизаны. Если в самом начале моего просмотра еще встретились одна-две девицы, над фотографиями которых, прежде чем сказать окончательное «нет», я минуту-другую размышлял, то дальше пошло просто форменное безобразие. Контингент был или некрасив, или до отврата вульгарен, а чаще – и то, и другое вместе и, проковырившись во всей этой уцененке с полчаса, я окно сайта «Столичные Невесты» в сердцах захлопнул. Я вздохнул, закрыл соединение с Интернетом, и хотел уже выключить компьютер, как вдруг проблеском последней надежды на несбыточное в голове мелькнула мысль. Я соединился с Сетью, и снова зашел к «Невестам». Дело в том, что этот сайт кроме рекламы жриц интимного досуга предлагал еще и сервис просто службы знакомств – что-то вроде билборда на эту узкую тему. Каждый желающий мог разместить на его страницах свое объявление о желании познакомиться с представителем противоположного пола. Так вот, как-то раз среди на этом сервисе разместил свое объявление и я. «А это-то на кой тебя угораздило?!» – спросите вы. Да, собственно, ни на кой, а так – в шутку. Ну, и, разумеется, по пьянке.

Дело было в этом же самом офисе и, кстати, тоже в пятницу. Только была зима. И был какой-то повод для возлияния, который ну никак невозможно было проигнорировать. Наверное, заключили какую-то мелкую сделку, но радости было, как будто мы получили контракт на поставку оборудования как минимум для Бурейской ГЭС. Собралась большая компания – кроме меня, Гохи и еще одного моего тогдашнего компаньона – Романа, было еще три или четыре человека, так или иначе имевшие отношение к поводу торжества, – сейчас уж всех поименно и не вспомнить. По случаю приличного мороза решили никуда не выдвигаться, а организовались на месте. Гоха и еще кто-то сгоняли в магазин, мы с Романом составили вместе столы и – понеслось! Пилось в тот вечер как-то особенно смачно, и за добавкой бегали еще дважды. Так что к тому неизбежному моменту, как в табачном дыму над столами неотвязным дамочловым мечом повис женский вопрос, все были уже хороши.

Роман, подражая господам гусарам, выпил с локтя и заблажил: «А теперь к актрисам!». Все чуть было уже не поехали, но в таком состоянии, как тогда, не рискнул сесть за руль даже ничего не боящийся со своей ксивой Гоха. Тогда зашли на «Столичные невесты» и долго выбирали, сопровождая процесс такими комментариями, что скоро все лежали на столах. Даже, помнится, кому-то звонили, что-то говорили, а потом долго ждали, когда же приедут прекрас-

ные гости. Когда же стало очевидно, что ехать за полночь к нашей угарной компании дурноту, нашли утешение во мнении, что, дескать, и слава Богу, и что общаться с падшими женщинами вообще нехорошо. Спонтанно возникла сложная философская дискуссия о том, какая женщина падшая, а какая – нет, потом перешло на женский вопрос в общем ракурсе. Как-то неожиданно всем стало очевидно, что мы, мужики, без женщин не можем вообще. Не можем без них – наших матерей, без них – наших жен. И без женщин – наших первых учительниц, и даже без женщин – наших секретарш. Дальше серьезность дискуссии пошла по нисходящей, но тем не менее что и без женщин – представительниц древнейшей профессии тоже нельзя, со смехом согласились все. В общем, сошлись во мнении, что без женщин нельзя в принципе. Дальше неизбежно пришли к выводу, что сами они – существа необыкновенные, и понять ни их самих, ни мотивацию их поступков мужику не дано, как невозможно охватить умом бесконечность вселенной. Стали рассказывать о самых необыкновенных женщинах в своей жизни. Говорили одновременно все. Гоха вдохновенно врал о своем студенческом романе с сорокалетней деканшей факультета, на котором он учился, кстати – кандидатом технических наук, которая между постельными баталиями, не меняя горизонтального положения, «подтягивала» его по предмету; кто-то хвастал, что переспал с известной актрисой, взявшей с него страшную клятву о неразглашении сего факта; Роман начал всех убеждать, что самая необыкновенная и красивая женщина на свете – это его жена Жанна. Едва успев прикусить язык, чтобы, согласившись, не выдать своей давнишней симпатии к Романовой супруге, я сидел молча и грустил. И не только потому, что только что поругался по телефону с Галиной, безапелляционно требовавшей, чтобы я немедленно ехал домой, но и из-за того, что в эту минуту с точки зрения необыкновенности женщин, когда-либо входивших в орбиту моего общения, я ощущал себя по сравнению с остальными участниками пьянки несколько ущербным. Даже не несколько, а – сильно.

В детстве, хотя сам я этого и не помню, меня определенно тянуло к девочкам. На сохранившемся детсадовском фото на новогоднем празднике пяти- или шестилетний я держу за руки пухлощекую сверстницу с капризно надутыми губками и совершенно очевидно не свожу с не глаз. Да и мама не раз в подтверждение моих предположений, улыбаясь, кивала головой: «О, да, в детстве ты был страшным девчатником!» Конечно же, тогда моя тяга к представительницам противоположного пола по природе была совершенно бесполой. Думаю, меня влекло к девочкам просто как к носительницам красоты, – так же можно тянуться к цветам, птичкам, милым котяткам или щенкам. Потом, в младших классах школы произошла неизбежная трансформация отношения к предмету влечения, потому что все девчонки вдруг стали противными и злыми, и на несколько лет единственными знаками моего внимания к ним стали дерганье за косы, кнопки на стул и удары разрядами микрофарадного конденсатора сквозь чулки. Девочки потешно визжали и подпрыгивали, платя за это соответствующим отношением, и это только углубляло колорадский каньон между полами. Приходящие в голову мысли о том, что взрослые время от времени ложатся друг с другом в постель без одежды, вызывали отвращение, – я подсознательно радовался, что мои мама и папа спят не на отдельных кроватях (мне было невдомек, что причиной был папин ночной храп). С одним школьным приятелем, с которым оказались близки мнения по этим вопросам, мы даже заключили страшный тайный договор, что никогда не женимся, который я спрятал у нас дома за отошедшим листом обоев за батареей. Но время течет, и все изменяется. Лет с четырнадцати-пятнадцати неизбежная гормональная перестройка взрослеющего мальчишеского организма начала менять мое ко всему этому отношение, и мысли о чем-то таком очень близком и запретном вызывали уже не отвращение, а сладкое сжатие в области сердца, и не только там. И, начав видеть себя рядом с кем-то женского пола, я сразу захотел, что бы этот, то есть, *эта некто* была самой лучшей, самой красивой – чем-то необыкновенным. Идеалом. Как мама, или даже лучше, хотя как кто-то может быть лучше мамы, я просто не представлял.

Ни у кого из более-менее милостивых девчонок в радиусе моего интереса стать *этой некто* шансов не было: всех их я знал как облупленных, некоторые обладали теми или иными достоинствами, но у них у всех был один главный недостаток – все они были... обыкновенные. Первой представительницей женского пола, прошедшей частокол моего внутреннего отбора на необыкновенность и идеальность, стала перешедшая к нам в девятый класс из другой школы Ира Порываева. Она была застенчива и молчалива, за что сразу получила прозвище Тихоня. Но в ее темных, почти черных глазах, когда она буквально выстреливала ими из-под обычно склоненного чела, было что-то такое... Я пытался разобраться с этим весь девятый класс, и к лету понял, что влюбился по уши. Я признался Ире в своих чувствах (впервые!), получил в ответ все тот же непонятный взгляд, в котором я прочитал согласие. Слух о том, что Нека-зуха (так меня кликали в школе) «замутил» с Тихоней, разошелся быстро. Я был горд, но не совсем понимал, почему пацаны, чье мнение мне было безразлично, выразительно крутят указательным пальцем у виска. Но в конце концов мое собственное мнение, разумеется, было самое правильное, и пацаны получали в ответ мой средний палец – или каким уж там жестом выражали мы смысл неизвестного тогда еще понятия «fuck you»? Мы с Тихоней прогуляли пол-лета, ни на йоту не приблизившись к повзрослению наших отношений. Когда же я решился и открыто намекнул подруге, что между мужчиной и женщиной возможно что-то более предметное, чем прогулки при луне, она в ответ кинула на меня все тот же непонятный свой взгляд. Скоро я осознал, что меня это раздражает, но больше оттого, что я был не в состоянии девушку понять, построить для себя ее модель поведения. Эта модель возникла у меня в мозгу, когда я увидел у кого-то дома старую пластмассовую куклу-неваляшку с двигающимися глазами. Когда куклу наклоняли, ее черные глазки двигались, делая ее при этом невообразимо похожей на Тихоню. Я заподозрил, что ее взгляды были единственным имеющимся у нее откликом на любое внешнее воздействие, в точности как у неваляшки. Я не мог поверить сам себе, и решился на жестокий эксперимент: объявил Тихоне, что больше не люблю ее. И... получил в ответ все тот же кроткий взгляд. «Куда ты смотрел? – пожимали плечами пацаны, когда я огорошил их известием, что я больше с Тихоней «не того». – Она же тормоз!»

Вторая необыкновенная женщина случилась у меня на третьем курсе института. Нет, это не означает, что между Тихоней и нею у меня была большая засуха. Девчонки оказывались в моей постели не то чтобы очень часто, но регулярно, – по крайней мере, когда в мою жизнь вошла Валерия, я не только не был девственником, но и практический опыт по теме «чего, куда и как» имел изрядный. Но это все было как-то... преходяще, а с Валерией закрутилось всерьез. Она была на три года старше меня, и уже заканчивала институт на другом факультете. Уже потом, размышляя над тем, в чем же была ее необыкновенность, я понял: просто она подошла ко мне первая. Да, Валерия оказалась первой женщиной, открыто проявившей ко мне интерес: во всех предыдущих случаях инициатором бывал я сам. Нет, разумеется, были в ней и другие необыкновенные черты – например, она очень неплохо пела, подыгрывая себе на гитаре, но все прочие ее плюсы касались, в основном, дел постельных. Валерия стала моей первой зрелой, опытной женщиной- секс с ней был как резкий переход на коньяк, если раньше пробавлялся только пивом и кисленьким столовым винцом. Я был на седьмом небе, и хотя кое-кто из круга моего общения пытался мне что-то сказать, но все они были посланы прямым рейсом на, что называется, трехмерную систему координат. Мы сутками не вылезали из постели, я был счастлив и ни о чем не думал.

Но вот прямо под новый год Валерия объявила, что беременна, и делать аборт поздно. Какой аборт – я перебрался еще на пару небес ввысь! Я все рассказал родителям, и хоть такого тяжелого разговора с ними у меня еще никогда не было, под утро я получил благословение на брак. Свадьбу сыграли максимально скромно и тихо, а поскольку медовый месяц выпал на зимнюю сессию, то чтобы не завалить ее, решили пока пожить по-старому, каждый у себя. А через три недели Валерия со слезами на глазах рассказала, что была на приеме у гинеколога, кото-

рый что-то неловко сделал при осмотре, и у нее случился выкидыш. Я взъярился конкретно бить врачу-неумехе морду, меня насилу успокоили. Но все равно оставлять это дело просто так я не намеревался, и попросил у Валерии ее бумаги по беременности. Неожиданно жена устроила мне истеричную сцену, основным лейтмотивом которой был слоган: «Ты что, мне не веришь?» Я не понимал, чему я могу не верить, и оставшись сам с собой, начал размышлять. Это выглядело так, как будто человек, что называется, «просыпался» – сам сказал то, чего говорить было нельзя, дабы не навести собеседника на след чего-то, что должно было оставаться тайной. Позже я узнал, что это именуется парапраксис, или «оговорка по Фрейду» – с языка слетает не то, что ты хотел сказать, а то, что ты подсознательно сказать боишься. Масла в мои сомнения подлил отец, выслушавший меня и уверенно заключивший: «Тут, похоже, фигня какая-то!» Не согласиться было невозможно, тем более, что медицинских бумаг обиженная Валерия мне так и не показала. Я вспомнил, что приятели что-то мне пытались сказать, извинился за посыл, и мне кое-что поведали. Оказалось, что у Валерии год назад был сумасшедший роман с однокурсником, и что она тоже, вроде как, забеременела, вот только жениться на ней однокурсник не стал, даже переведясь от греха подальше в другой ВУЗ. Беременность то ли рассосалась, то ли что, а девушка после этой истории взяла академку – очень похоже, для того, чтобы, вернувшись, уже не застать никого из очевидцев этой истории. И похожи мы были с этим однокурсником тем, что и у него, и у меня родители были людьми по тем временам небедными. Ну, да: ютилась Валерия с младшим братом и стариками в однушке в неблизкой Сходне, и наши трехкомнатные 88 квадратов должны были представляться ей Версалем. Я настоял на объяснениях, и Валерия долго упираться не стала. Сказала, что надоумила ее на все тетка – бывший народный заседатель, просила прощения. Я хоть и был в ступоре, но хватило ума решить, что нужно рвать сразу и сейчас. Она не возражала, и через два месяца мы оформили развод – тихо и мирно, и даже распрощались вполне по-приятельски. Жалея мое самолюбие, родители только довольно долгое время спустя поведали мне, что на самом сразу после того, как все вскрылось, тетка – заседательша взяла все в свои руки, заявила к нам домой, шуршала какими-то бумагами, говорила, что Лерочка развода мне не даст, и уверяла, что «смерть ребеночка» так просто нам всем не пройдет. В ответ на сакраментальное: «А был ли ребеночек?» ничего, кроме большеглазого: «А как же?!» у заседательницы не было, и родители ее было интеллигентно, но твердо послали. Но та, уходя, так грозилась, что по здравому размышлению (или из патологического испуга людей, помнящих если не тридцать седьмой, то уж более поздние «посадочные» годы – точно) решили, что спокойнее будет откупиться. Да и исключения из комсомола и даже партии за всякого рода «аморалку» (часто просто притягиваемую за уши) были не редкость. Отец стоял в очереди на машину, и половина из накопленного на вожделенные Жигули перешло в карман моей новой бывшей родственницы. Хорошо, что предки скрыли это от меня – не знаю, что бы я мог тогда натворить. Потому что переживал я страшно, особенно из-за того, что понимал, за какого болвана я был в этом преферансе.

Опыт с Валерией надолго отбил у меня охоту искать в женщинах необыкновенность. Так надолго, что как только после начала обычных, физических отношений моя новая подруга начинала мне нравиться в душевном плане, я сразу рвал с ней, инстинктивно боясь дальнейшего сближения. И мой брак с Галиной явился, пожалуй – как это ни парадоксально – результатом того, что, будучи на момент, когда я понял, что надо уже жениться, моей единственной сексуальной партнершей, она как раз не имела никаких шансов чем-то меня поразить. Она была простой девушкой, и в наших отношениях ее устраивало все, даже то, что после почти двух лет знакомства замуж я ее не звал, – по крайней мере, сама она эту тему не поднимала. А когда я сделал-таки ей предложение, она отнеслась к этому как к чему-то, настолько само собой разумеющемуся, что я даже немного обиделся. Но у всего есть свои последствия, и сейчас, после почти десяти лет брака я четко осознавал, что единственным – правда, весьма крепким – цементом, связывающим нашу с Галиной семейную жизнь, была наша дочь Юлька.

Потому что Галина была... слишком уж проста и обыкновенна. Нет, поймите правильно: обыкновенна не для меня – «человека со звезды», нет! Просто, поставив себе когда-то в юности задачу по поиску чего-то необыкновенного я, даже больно обжегшись на этом, по прошествии лет начал скучать – даже не по этому, наверное, недостижимому необыкновенному идеалу, а по процессу поиска его. Да-с, диалектика, синьоры: движение – все, цель – ничто!

И вот сейчас чистой правдой было бы сказать, что у меня ничего такого необыкновенного в жизни не было. Можно было, конечно, на ходу придумать что-нибудь эдакое сногшибательное, но врать принципиально не хотелось. И тут у меня родилась мысль, счастливая настолько, что я тут же поделился ею со всеми. Я сказал, что хотя к текущему моменту не могу с точки зрения темы беседы похвастать какими-либо выдающимися достижениями, но думаю, что к следующему слету за одним столом участников настоящей пьянки смогу отчитаться о существенных успехах в данной области. Потому, что как раньше в Греции, сейчас *все* есть только в одном месте – в Интернете, и я собираюсь прямо здесь и сейчас хочу разместить во «всемирной паутине» объявление о том, что ищу женщину, и не простую, а – не-о-бык-но-вен-ну-ю! Такое единодушие, какое было проявлено компанией в оценке моей идеи, бывает только по пьяной лавочке! Мое начинание было единогласно одобрено, и все принялись сочинять для меня текст объявления, уподобляясь запорожским казакам, пишушим оскорбительное послание султану. В общем, через пять минут все опять ржали до колик в боку. Мне ничего не оставалось, как собрать в кулак остатки трезвой памяти, и составить сообщение самому. Вот что у меня получилось: «Московский бизнесмен, зрелый годами (37) и взглядами на жизнь, ищет знакомства и общения со стройной белокурой, светлоглазой москвичкой 25–35 лет, необыкновенной во всех отношениях. Материальная поддержка в случае необходимости проблемой не является. Фото обязательно. Обыкновенных и профессионалок просьба не беспокоиться и не беспокоить». Потом, через несколько дней, когда Гоха напомнил мне о том, что я на той пьянке написал объявление, я даже удивился, как в таком состоянии я смог так четко и лаконично сформулировать мысль! Хотя – столько лет, что называется, париться на эту тему и ограничиться лишь формулировкой, пусть точной и лаконичной – невелико достижение! Более того: сочтя такое объявление пьяной глупой выходкой, я сначала хотел его к чертовой матери удалить, но потом, подумав, оставил. Что называется, на всякий случай. Но, понимая, что никаких таких «всяких случаев» в моем случае быть не может, о размещенном в интернете объявлении скоро напрочь забыл.

Хотя один раз через какое-то время я о нем все же вспомнил, и смеха ради решил проверить. Один ответ, как ни странно, таки был – от москвички 34-х лет от роду, которая оказалась фанаткой экстремальных восхождений, скалолазания, и спуска на байдарке с водопадов. Она была уверена в том, что полностью соответствует моим представлениям о женской «необычности», и писала, что матподдержка ей очень нужна – для приобретения новой байдарки взамен разбитой ею недавно на водопаде Ишкык на Алтае. Даже фото, как я требовал, было – высокий, тощий, как весло, нечеткий силуэт, снятый против солнца на фоне каких-то гор, скал и водопадов. Я тихо поплакал над посланием, отвечать не стал, и наличия ответов на мою объяву больше не проверял. Тем более, что вскоре забурлил мой неожиданный, фантастический роман с Жанной, и у меня появились все основания полагать, что она и есть та самая белокурая, светлоглазая и необыкновенная. Короче говоря, уже скоро год, как я этот свой почтовый ящик не открывал. До сегодняшнего дня.

Я зашел на свою страничку. Надо же, сообщения были – аж три штуки! Первое было от той самой водопадной байдаристки, в котором она в совершенно непечатных выражениях сетовала, как она во мне ошиблась, второе – от очень полной и явно не совсем нормальной женщины лет шестидесяти, недвусмысленно намекавшей, что она и есть самая необыкновенная женщина на свете. На снимке она была изображена в школьном передничке и в кукольно-белом парике с косичками. Меня передернуло, и я без какой-либо надежды, скорее, из при-

вычки все доводить до конца открыл третье сообщение. Это было, как и предыдущие, короткое текстовое сообщение с вложенными фотографиями. Но уже с первых строчек я понял, что это послание – совсем не такое, как те, другие. Даже начиналось оно, вроде бы, совершенно обыкновенно, но в то же время как-то очень мило: «Здравствуйте, Антон!» Стоп, почему Антон? Ах, да, забыл рассказать, что когда на той пьянке я размещал свое объявление, Роман надомил меня подписаться не своим именем. «Чтобы жена случайно не наткнулась», – пояснил он. «Моя жена? – переспросил я. – Галя?» Я представил себе Галину, рыщущую по интернет-ресурсам в поисках палева на собственного мужа, или – круче – размещающей объявления сомнительного свойства, и случайно натыкающуюся на мое сообщение, и мне стало смешно. «Не знаю, не знаю! – прокомментировал мою обструкцию этой меры предосторожности Роман, почему-то указывая пальцем куда-то вверх. – Все может быть!» Я с сомнением посмотрел на него – тогда еще я не знал, что жена Романа Жанна скоро станет моей любовницей, и попроси кто меня прокомментировать вероятность такого события, я бы твердо ответил: «Не может быть!» Тогда же я подумал: «Бред собачий!», но тем не менее – на всякий случай ли, под магическим ли воздействием указующего в небесные вышины Романова пальца объявление свое подписал не своим именем, а почему-то Антоном. «Очень похоже, что я и есть та самая стройная (172-52) москвичка, о которой Вы пишете. В подтверждение соответствия Вашим эстетическим запросам высылаю Вам свое фото – правда, в жизни я лучше. Что же касается необычности, то... может быть, об этом при встрече? Но я уверяю вас, что вряд ли вы когда-нибудь встречали девушку, более необычную, чем я. За предложенную посильную материальную поддержку заранее благодарю, однако каким-либо условием это не является. Жду звонка. Вита». И кроме этого – только номер мобильного телефона. Текст был совершенно непохож на любое из подобного рода объявлений, когда бы то ни было случайно или целенаправленно прочитанных мною. В коротком послании был и интеллект, и интеллигентность, и такт, и в то же время – глубокое чувство собственного достоинства. А слово «посильную» скрасило вроде бы однозначную фразу о принятии материальной поддержке доброй порцией иронии в адрес эту поддержку предлагающего. В предвкушении чего-то на самом деле необыкновенного у меня сладко заняло под ложечкой, и я поспешил кликнуть мышкой прикрепленную к письму фотку.

Хотя фото было небольшим и явно любительским, но достаточным для того, чтобы понять, что изображенная на нем молодая женщина, скорее – все-таки еще девушка, была очень, очень хороша собой! Снятая на фоне какого-то квартирного интерьера в полный рост, девушка была высока и стройна, а легкое летнее платье, в которое она была облачена, ничуть не скрывало великолепных пропорций ее фигуры. Довершали общее сногшибательное впечатление рассыпанные по плечам ее светло-русые, уж больно похожие на натуральные, длинные выющиеся волосы. В общем, как говорят американцы – «бинго»! Если здесь нет никакой подставы, если объект на снимке и автор письма – одно и то же лицо, то, похоже, мы имеем дело с чем-то просто из ряда вон выходящим! Вот только жаль, что лицо девушки получилось на снимке слегка смазанным. Чертов фотограф! Хотя, стоп – это не ошибка. Присмотревшись, я понял, что лицо специально было слегка заретушировано с помощью особого фотофильтра, то есть был виден как будто сквозь матовое стекло. Интересно – зачем это? Хотелось верить, что не для того, чтобы скрыть какой-нибудь природный изъян, а просто из природной стеснительности, или чтобы не быть узнаваемой при случайной встрече. Странно – как только я подумал о случайной встрече, мне почему-то вдруг показалось, что это лицо я уже где-то видел. Вернее, не лицо, конечно, а то, что из него было видно на снимке. Это ощущение мгновенного узнавания мелькнуло и ушло – вернее, я выгнал его из головы. Чего терять время и гадать, когда осталось лишь набрать номер телефона! Я выдохнул, как перед опрокидыванием стопки неразведенного спирта, и, не отрывая взгляда от экрана, набрал номер. Пока шли гудки, я думал о том, что Вита – имя скорее всего не московское, а больше подходит украинкам или уроженкам юга

России. Но даже если так – что делать? При таком выдающемся экстерьере даже с неизбежным в этом случае акцентом придется смириться. Но тут на том конце провода ответили.

– Алло! – раздался в трубке очень приятный женский голос.

– Простите, это – Вита? – спросил я, с трудом проглотив неожиданно подкативший к горлу комок волнения.

– Да, слушаю вас, – одновременно приветливо и сдержанно произнес на том конце провода голос без каких либо признаков недолюбливаемого мною южного говорка.

– Здравствуйте, Вита! – жутко обрадованный эти обстоятельствами, воскликнул я. – Это вас беспокоит Антон...

Тут я обязательно запнулся бы, потому что дальше нужно было объяснять, что за Антон такой я есть, а ничего лучше абсолютно дебильного «Антон из Интернета» (Джон из джунглей, ха-ха!), в голову не приходило. Но голос на другом конце провода избавил меня от неизбежного конфуза, только что не закричав:

– Господи, Антон, ну наконец-то! Я уже стала думать, что ваше объявление – просто чья-то шутка! Почему вы так долго не звонили? Я ответила вам больше месяца назад.

– Меня не было в стране, – мгновенно соврал я, прозрачно намекая на то, что заграничные поездки для меня – самое обычное дело.

– Ну конечно, как я не догадалась! – тут же мило согласилась со мной собеседница, и тут же сама повернула русло разговора в интересующее меня русло. – Так, может быть, не станем еще более откладывать наше знакомство и проведем его, к примеру, сегодня? Если, конечно, вы не очень устали с дороги.

– Не настолько, чтобы отказаться от такого предложения, – от души посмеявшись шутке, ответил я.

– Тогда пишите адрес, – спокойно и даже как-то по деловому сказала она. – Вы знаете район Преображенки?

Я знал. Кажется, я даже представлял, где примерно эти дома, – одно время мне доводилось часто бывать в тех краях по работе.

– Вы будете через... – начала было она.

– ...сорок минут, – не дав договорить ей, выпалил я.

– Пр-рекрасно! – с интонацией рекламы о любви к речной рыбе произнесла моя собеседница. – Мне как раз хватит времени, чтобы привести себя в порядок. Жду вас с нетерпением!

Я вскочил с кресла, еще не успев положить трубку. Когда истинный джентльмен слышит такие слова от женщины, он не заставит предмет своей страсти долго ожидать себя. Тем более, что насчет сорока минут с Яузских Ворот до Преображенки я явно погорячился. Это по пятничным то пробкам! Просто, видимо, мне не хотелось больше, чем на сорок минут, оттягивать встречу с особой, которая успела меня так заинтриговать. Но тогда следовало поторопиться. Нашей с Гохой гордостью в нашем офисе была крошечная душевая кабинка в туалете. Не хотелось являться пред ясны очи дамы пропотевшим за целый день до хлюпанья в трусах. Прохладный душ еще приподнял настроение, хотя выше уже, кажется, было просто некуда. Так, теперь все сдать-закрыть, и – поехали. Кстати, не забыть выключить мобильный, не то Галина уже скоро начнет названивать, узнавая, где я и почему еще не еду домой, – кстати, не потому, что она меня как-то по-особенному блюдет или подозревает в чем-то, а просто, потому что вечер пятницы, и все мужья должны ехать домой. Потом, конечно, придется долго и нудно объясняться с благоверной по этому поводу, но это уж потом. А сейчас – вперед, за приключениями!

Я ехал так быстро, как, наверное, никогда не ездил, но все равно опоздал на добрых полчаса. Искомый мною адрес оказался стандартной пятиэтажной хрущобой, приютившейся в глубине тенистого из-за огромных старых лип квартала, среди десятка таких же серых полуразвалюх эпохи триумфального шествия кукурузы по полям страны. Я припарковал свою

«десятку» между двумя толстыми липовыми стволами, прямо напротив нужного подъезда. Вышел, поставил машину на сигнализацию. Несколько шагов, и я, удивившись отсутствию у двери лавочки с обязательными у подъездов таких старых домов старушками, вошел в темную прохладу, основную гамму запахов в которой составляли мышино-кошачьи тона. Захотелось задержать дыхание, но взобраться с одной порцией воздуха в легких на пятый этаж, где по стандартному закону подлости находилась нужная мне квартира, шансов не было. Что ж, если нельзя не нюхать это жуткое подъездное амбрэ, нужно поскорее к нему привыкнуть. Я глубоко вздохнул, и начал подъем по лестнице.

Да, как я и предполагал, карабкаться надо было на самый верх. Но вот и нужная дверь с белой кнопкой звонка на наличнике. Безуспешно пытаюсь успокоить дыхание, я позвонил. Секунда, две, пять десять – из-за двери не доносилось ни звука. Может быть, я ошибся домом? Или это изошренный розыгрыш? Я позвонил еще раз – никакого эффекта. Я топтался под дверью, наверное, уже минуту. Глазки дверей напротив, казалось, сверлят меня взглядами бдительных соседей. Надо было что-то делать. Я вздохнул, и, глядя на клеточки кафельного пола, в третий раз надавил пластиковую пуговку. И вздрогнул, потому, что звонок из проема внезапно распахнувшейся двери раздался вдруг оглушительно громко. «Ну, чего вы радилидонились, как звонарь на Троицу?» – раздался из задверной темноты сердитый шепот, вслед за которым высунулась белая тонкая рука, крепко схватила меня за запястье и втянула вовнутрь. Дверь с легким шелестом закрылась у меня за спиной, и я оказался в крошечной темноте.

Хотя уже через пару секунд глаза стали привыкать к скудному освещению, и различили очертания ощутимо маленькой прихожей. Чуть более светлый проем неширокой арки вел в единственную, похоже, комнату. Видневшийся на фоне этого проема силуэт через секунду обрел очертания женской фигуры, стоящей, опершись плечом о косяк. На самом деле в квартире было не так уж темно, просто, видимо, окна и в комнате, и на кухне были занавешены плотными шторами, и скоро мои глаза начали привыкать к скудному освещению. Я различил, что женщина одета во что-то такое явно домашнее до колен и как-то по-старинному кутается в то ли платок, то ли плед. Немудрено – в квартире было на удивление прохладно. Однако же лицо силуэта продолжало в тени быть совершенно неразличимым. Но тут женщина высвободила из-под платка уже знакомую мне тонкую руку и щелкнула выключателем на стене. Загоревшийся свет наконец-то осветил крохотную прихожку типичной московской хрущевки, а заодно – и хозяйку квартиры. Первый взгляд на новую знакомую – это такой волнительный момент! Никогда не знаешь, какова будет действительность, даже если на фото – писанная красота. Но от сердца сразу же совершенно отлегло.

Девушке Вите – а это была, несомненно, именно она – на первый взгляд было самое большее лет двадцать пять. Выглядела она, пожалуй, даже выше своих метра семидесяти. Сложнее ее проще всего было описать двумя словами – тонка и стройна. И очень красива! Сразу, как и на фото, притягивали взгляд волосы, цветом оказавшиеся не просто светло-русыми, а с удивительным золотым отливом. Они просто, но со вкусом были собраны у нее на затылке в незамысловатый пучок, оставляя открытым высокий и чистый белый лоб. У нее был нос с тонкой линией переносицы и губы – сочные, но не полные, и с уголками рта, приподнятыми в постоянной полуулыбке, как у Джоконды. Чуть по-славянски выступающие скулы совершенно не портили это лицо. Даже только всего этого вполне хватало, чтобы любой другой обладательнице такой внешности ходить в записных красавицах. Но были еще глаза – потрясающие глаза! Сами по себе немаленькие, они от того, что были широко расставлены, производили впечатление просто огромных. Серо-зеленые, не очень светлые, но какие-то прозрачные и оттого светящиеся, как весенний лед на реке, пронзенный солнечным лучом. Глаза – зеркало души? Наверное. В любом случае, отражение того, есть у человека душа, или нет. В этих глазах душа была, и ее там было столько!.. Да, эти глаза сразу производили совершенно неизгладимое впечатление. Ресницы, длинные и пушистые, как елка в зимнем лесу, достойно обрамляли их.

А выше изгибались абсолютно правильными широкими дугами брови, явно не знавшие прикосновений пинцета за полной того ненадобностью. Просто Голливуд какой-то, право слово! До этой минуты я точно знал, что самая красивая женщина, какую я когда-либо знал за всю свою почти четвертьвековую практику женолюбца – это Жанна. Но это было только до той минуты, когда я увидел *это* лицо... И еще – теперь я был просто абсолютно уверен в том, что где-то это лицо я уже видел! Но где, когда? Может быть, она – модель, и снималась для каких-нибудь журналов?

Хотя весь этот совершенно недвусмысленный осмотр хозяйка квартиры восприняла спокойно и совершенно естественно, дальше глазеть становилось неприлично, и я уже раскрыл было рот, чтобы что-нибудь сказать, но тут она первая нарушила молчание:

– Ну, здравствуйте! Не разочарованы? – произнесла она, и я про себя отметил, что кроме вообще приятного тембра ее голос звучит как-то очень волнующе.

– Нет, нет, конечно, нет! – спохватился я, улыбаясь ей в ответ самой обворожительной из моих улыбок. – Напротив, я просто восхищен, я...

– Вот и прекрасно, – очень мило перебила меня она. – Тогда проходите, и ради Бога, извините меня за темноту кругом, задремала, пока ждала вас...

«Какой изысканный выговор за опоздание», – поразился про себя я. Я вспомнил первые слова, которые услышал от нее. «Раздидидонился», – кажется, сказала она? Не просто хороший и правильный, а старомосковский какой-то, прямо пастернаковский русский! А еще она самую малость картавила, но настолько незаметно, что было непонятно, на какой букве, – пожалуй, это была «ж», которую она произносила, как бы перекачивая ее через звук «вэ»: получалось очень мягко, и воспринималось скорее как легкий акцент, а не как «фифект фикции». Откуда ты, дитя?

– Да пробки, знаете ли, – начал было оправдываться я, но она, словно говоря: «Да бросьте, полно вам о пустяках!» махнула рукой, и жестом пригласила меня в комнату, сама пройдя первой.

Загоревшийся красноватым неярким светом торшер будуарно осветил очертания маленькой, под стать прихожей, комнатухи, вся обстановка которой говорила, как мне показало, о вполне определенном ее предназначении. В углу у окна стояли телевизор и видеоманитофон, в другом – маленький журнальный столик с кассетником и пепельницей на нем, да два креслица рядом с ним. В глубине комнаты притулился неприметный какой-то шкафчик типа секретера, на котором горел большими зелеными цифрами древний будильник «Электроника», а у противоположной стены стоял старенький сервант. Посуды и хрусталя в серванте, впрочем, почти не было, зато стоял на нем забавный ночник в виде толстого добродушного розового бегемота. Все остальное пространство комнаты занимала большая софа, застеленная спальным однотонным бельем неброской расцветки. Один угол одеяла был недвусмысленно отвернут, и меня это эдак по-эстетски покорило: не слишком ли прямолинейно хозяйка малогабаритки сообщает мне о том, что прекрасно осведомлена о конечной цели моего визита? И что заранее и без экивоков согласна? Хотя, собственно, не за этим ли самым ты сюда пришел, а? Ты объявление зачем давал – на байдарке по водопадам, что ли, спускаться?!

– Я живу... не здесь, – извиняющимся тоном произнесла хозяйка, по-своему истолковав мой настороженный интерес к обстановке. – Это съемная квартира, но здесь все чисто, уверяю вас!

– Да нет, нет, все в порядке! – поспешил выставить в успокоительном жесте вперед ладошки я, одновременно констатируя, что польщен произведенным на хозяйку впечатлением щепетильного чистюли, каковым, по сути, я и являлся.

– Тогда давайте, может быть, познакомимся по-человечески? – улыбнулась она. – Итак, вы?...

– Я – Антон, – чуть не сбившись с идиотского псевдонима, отрапортовал я.

– А мое полное имя – Виталия, – подхватила она и протянула мне руку.

Я взял ее холодные пальцы в свою руку и поцеловал.

– Обожаю галантных кавалеров! – рассмеялась Вита-Виталия.

– Сколько иронии! – состроил я саркастическую гримасу.

– О, нет, нет! Никакой иронии! – вскричала она и порывисто чмокнула меня в щеку. –

Это так приятно. Мы, женщины (мне показалось, что это слово она произнесла с каким-то особенным нажимом) так любим в мужчинах хорошие манеры!

Странно, но явный наигрыш и экзальтация, прозвучавшие в этой фразе, произнесшую ее совершенно не испортили, просто это выглядело как вполне естественное женское кокетство и желание понравиться. И это польстило мне.

– Какое интересное имя – Виталия, – продолжил я разговор.

– Греческое, – охотно поддержала тему она. – Его, как правило, его почему-то сразу сокращают до Виты, поэтому я так и представляюсь, но вообще-то мне ужасно не нравится! Друзья зовут меня Талия или просто Таша.

«Таша, надо же, как мило», – подумал я, и добавил в слух:

– Талия? Так у греков звали одну из муз, – начал было блистать эрудицией я. – Она покровительствовала, кажется...

И забуксовал. Так далеко мои познания об античности не простирались.

– Правильно, комедии, – закончила за меня моя собеседница и в притворном ужасе закатила глаза. – Боже, еще и эрудит! У меня с утра удачный день.

Я снова от души рассмеялся. Нет, определенно с чувством юмора у нее было все в порядке! А ведь юмор в ста случаях из ста есть непрменный атрибут ума. Однозначно, она нравилась мне все больше и больше.

– Осталось выяснить, нравлюсь ли я вам? – тут же словно прочитала мои мысли Талия.

И тут она скинула с плеч платок и встала посередине комнаты. Ее коротенький халатик приталенного фасона был сшит из полупрозрачной ткани и практически ничего не скрывал. К тому же, обеспечивая мне полностью панорамный обзор, Талия пару раз крутанулась передо мной в изящном пируэте, и если я чего и недоглядел при первом раунде осмотра, то сейчас уж упустить что-либо было просто невозможно. Изящная маленькая головка ее сидела на высокой, прямо-таки лебединой шее, непонятно зачем скрытой повязкой из еще более тонкого, чем халат, газа – возможно, девушка была немного простужена. Талия была не слишком тонка, поэтому изящно-округлые бедра не казались широкими... Ноги не просто длинны и стройны, а с тонкой голенью и прорисованными икрами, что наводило на мысль, что их обладательница была не чужда занятий бегом или лыжами. А повыше ног, пониже спины шло то, что хоть и принято карамельно называть «попкой», а я именую просто и конкретно – задница, как бы грубо и вульгарно, по мнению некоторых эстетствующих элементов, это ни звучало! Так, что пардону, конечно, просим, но дальше шла задница – круглая и выпуклая, как хорошо накачанный волейбольный мячик, и которую, как тот мячик, так и хотелось поскорее взять в руки! Ну и, наконец, выше и спереди была грудь – небольшая, но совершенно безупречной формы, топорщившаяся из-под тонкой ткани двумя остренькими сосочками. А какое действие все это еле прикрытое великолепие, продемонстрированное с предельной откровенностью, произвело на меня, читатель, наверное, уже догадался. В общем, с чувством произнося стандартную пошлятину: «Ты безумно мне нравишься!» я не удержался, и в доказательство того, что не кривлю душой, заерзал в кресле.

Талия счастливо рассмеялась и снова чмокнула меня в щеку.

– Я так рада! Хочешь чаю или кофе? – сразу же, но ни секундой раньше, тоже перешла на «ты» она, – определенно, с тактом у нее тоже все было на месте.

Я великодушно согласился на чай без сахара, и Талия сразу же упорхнула на кухню. Пока она звенела оттуда посудой, я, не зная, чем заняться, обратил внимание на пачку глянцевых

журналов, лежащих под столом прямо на полу, и вытянул наугад парочку из середины. Первым оказался сисястый «Hustler» – пожалуй, самая развесистая порнуха, какую только можно встретить в ларьках, и это опять неприятно кольнуло в сердце. Каким-то диссонансом этот порно-журнал звучал со всем нашим общением, несмотря на краткость, уже обретшим вполне определенную атмосферу. Я даже подумал, что попал он сюда, наверное, случайно, и в полной уверенности, что следующим окажется какой-нибудь «Elle» или «Vogue», запихнул «Hustler» обратно под стол. Но я не угадал. Второй журнал, хоть был мне совершенно неизвестен, но направленность имел явно ту же, и назывался «Transmagazine». На суперобложке была запечатлена совершенно голая губастая негритоска с бюстом номер бесконечность. Но от других таких же, с позволения сказать, моделей, позирующих, к примеру, для того же Хастлера, эту отличала одна деталь. Да, всего одна, но настолько существенная, что я даже замотал головой, как бы прогоняя из головы наваждение. Мне почему-то припомнились кентавры из легенд Древней Греции, эдакие комбинированные существа, полулюди, полукони. А пришли такие ассоциации мне на ум потому, что лицо и торс у «шоколадки» на обложке были непререкаемо дамскими, а вот все, что ниже, настолько же неопровержимо принадлежало полу противоположному. Так сказать, сильному. Хм, да-а, подборочка еще та! Хотя ведь лежали они не на, а под столом – значит, не для твоих глаз, чего тебя к ним потянуло? Кто знает, откуда они здесь, и что здесь делают. Убрать их скорее туда, где лежали. Но Талия уже возвращалась с кухни, и я только и успел, что с максимально безразличным видом бросить журнал на стол. Талия поставила дымящуюся чашку с чаем на стол, сама уселась в другое кресло, уютно закинув ногу на ногу. Спросила: «Ты не куришь? Можно, я покурю, пока ты пьешь чай?» – Я кивнул: «Конечно!»

Ее сигареты лежала рядом с журналом. Она взяла пачку, вытянула одну белую тонкую сигарету, закурила, затянулась ароматным дымом и бросила пачку опять на стол. Пачка упала на журнал, прямо на нижнюю часть кентавра. Только тут Талия заметила (или сделала вид, что заметила) журнал, и брови ее изумленно взлетели вверх.

– О, чем ты тут развлекался! – воскликнула она в притворном ужасе. – Ну, и как тебе?

– Прости, что конкретно? – между двумя прихлебами из чашки с невинным видом поинтересовался я.

– Я имела ввиду, как ты относишься к таким вот удивительным вещам? – выпуская дым, пояснила Талия.

Интересно, чего это она завела разговор на эту тему? Проверяет, что ли, степень моей продвинутости в вопросах секса? Однако, надо что-то отвечать. Я прокашлялся, как перед докладом, отхлебнул из чашки и с серьезным видом выдал:

– Ну, наверное, как к чуду природы отношусь.

Реакция Талии на банальную, в общем то, сентенцию оказалась несколько неожиданной:

– Чудо природы, как мило, – задумчиво и как-то мечтательно-тихо произнесла она.

«Странная какая-то», – констатировал я про себя, но сразу же списал это на счет романтизма, вполне возможно, еще сохранившегося в этой девической еще по сути головке.

И тут же эта головка родила нечто совсем уж концептуальное.

– Антон, а что тебя вообще привело сюда, что толкнуло написать то объявление? – задумчиво глядя мне в глаза, спросила Талия.

Ну вот, здорово живешь! Что мне теперь – всю историю своих поисков «необыкновенного и при этом прекрасного» ей поведать? Или честно признаться, что под этим лозунгом просто решил разбавить невыносимую скуку пятничного вечера? Совершенно не зная, что отвечать, я счел за лучшее укрылся за маской глубокомысленной задумчивости.

– Ну, как тебе это объяснить, – наконец начал я, помолчав количество времени, уместное для такого трудного вопроса.

– Не надо ничего объяснять, – внезапно шепнула она и как-то совершенно незаметно перепорхнула из своего кресла мне на колени, обвив руками мою шею. – Что я глупости спрашиваю? Как можно объяснить внезапное желание, порыв, движение души?

Она импульсивно притянула мою голову к своей такой близкой под тонкой тканью груди, но тут же отпустила, отстранилась на длину вытянутых рук.

– Ты знаешь, ты тоже мне очень нравишься! – сказала она, заглядывая мне в глаза.

Я поймал себя на мысли, что не очень понял причину-следственную связь между моей попыткой ответить на вопрос и этим ее заявлением, но на самом деле рассуждать и умничать не очень хотелось, потому что слышать такие слова из ее уст почему-то было очень, очень приятно. От нее исходил одуряющий запах чистого тела в смеси с очень тонким и возбуждающим ароматом незнакомого мне парфюма. У меня в штанах началось активное движение. Да вот они, настоящие, истинные желания, а все эти идеалы, необычности и прочие тра-ля-ля ни при чем! Я попытался поцеловать ее, она подставила мне щеку.

– Я обожаю целоваться, – пробормотал я, ища губами ее рот. – Или ты принципиально не целуешься при первой встрече?

– Да, конечно, для того, чтоб целоваться, мы еще недостаточно знакомы, – прошептала, закрывая глаза, Талия. – Но не лишать же себя из-за этого удовольствия!

И я утонул в ее губах. Я очень люблю целоваться. Мне много раз говорили, что я хорошо целуюсь, и я очень ценю это умение у партнерши. Хорошо целующаяся женщина доводит меня до состояния полной боеготовности задолго до начала собственно постельной части встречи. Талия целовалась превосходно. Ее мягкие губы и податливый язык когда надо следовали за моими губами и языком, порой же сами как будто полностью заполняли весь мой рот и всю хозяйничали там, безошибочно определяя самые чувствительные области. Это было восхитительно! Вообще-то, я не очень люблю все эти прелюдии, предпочитая побыстрее переходить собственно к делу, но сейчас мне было жаль, что поцелуй не может длиться бесконечно. А тем временем в недрах ширинки у меня давно уже бушевал пожар, и в тот самый момент, когда я начал всерьез опасаться, что ткань не выдержит напора рвущейся наружу плоти, Талия соскользнула на пол и зазвенела пряжкой моего брючного ремня. Мысленно поздравив себя с тем, что предусмотрительно принял в офисе душ, я затаил дыхание. Ее волосы зашевелили меня по животу, и через мгновение мне стало не до размышлений.

Я откинулся на спинку и закрыл глаза. С первых секунд я понял, что если по поцелуям в школе сексуальных искусств Талии можно было ставить пять с плюсом, то ее оральные импровизации заслуживали шестерки. Максимум через три минуты меня закачало на волнах нирваны и я, испытав едва ли не самые сильные ощущения подобного рода в жизни, застыл, как сидячая статуя фараона, стиснув зубы и вцепившись пальцами за неимением посохов и прочих атрибутов фараоновой власти в подлокотники кресла.

Какое-то время я просто не мог открыть глаза и разжать стиснутые зубы, но наконец отпустило, перестали плавать разноцветные круги перед глазами, и я вернулся. Талия сидела передо мной на корточках, подперев подбородок скрещенными у меня на коленях руками и смотрела меня. Улыбнулась и просто спросила: «Тебе хорошо?» Я уже раскрыл рот, чтобы произнести какую-нибудь типа «безумно!», но не стал, вернее – не смог, а просто кивнул в ответ. Талия упруго встала, потянулась и направилась к софе, на ходу расстегивая заколку и вороша рассыпавшиеся по плечам свои удивительные золоторусые волосы. Оглянулась на меня через плечо:

– Сможешь сам дойти до ванной?

Я рассмеялся:

– Попытаюсь!

Глава 2. Перекресток полов

Пятница, вечер

Из ванной я вышел, подпоясав чресла махровым полотенцем, предусмотрительно повешенным там для меня, таким большим, как будто Талия знала мои габариты заранее. Я остановился на пороге комнаты, стряхивая с рук капельки воды. Талия была уже в постели и, дожидаясь меня, смотрела телевизор. Ниже пояса она была укрыта покрывалом, а вот выше из одежды на ней оставалась только повязка на шее, придававшая обнаженному торсу Талии еще больше соблазнительности. Невзирая на то, что после окончания предыдущего заезда не прошло и десяти минут, я ощутил, что снова становлюсь боеспособным, а ведь особыми достижениями в количественных вопросах секса я никогда не отличался. Черт, давно, очень давно женщины не производили на меня такого впечатления – пожалуй, что и никогда! Я с грациозностью пленного носорога нырнул в постель рядом с ней. Софа, к счастью, выдержала. Талия сразу же, щелкнув клавишей пульта, потушила телевизор и перевернулась ко мне. Теперь она лежала на другом боку, правая ее нога была полусогнута и не лежала на левой, колено зарылось в простыню, а изящное бедро закрывало всю панораму паха, так что, как и минуту назад, видна была только полудуга трусиков вокруг выступа тазовой кости. Правду говорят тонкие эротоманы, что желание увидеть возбуждает гораздо сильнее увиденного. Но дальше возбуждаться мне было уже некуда, и без того, чтобы увидеть, уже никак не могло больше продолжаться. Я положил ладонь Талии на бедро, провел ладонью по прохладной шелковистой коже от колена вверх до бедра, пальцами захватил резинку трусиков. Я, закрывая глаза, потянулся губами к ее губам, но на этой точке отработанный, десятки и сотни раз проверенный сценарий развития классической постельной сцены засбоил. Талия не ослабила мышцы бедра, а ее рука внезапно сжала, останавливая, мою кисть.

– Подожди, Антон, подожди, – услышал я ее шепот, и открыл глаза.

И по румянцу на скулах, по неглядению в глаза, по сжатым губам я понял, что она чем-то очень смущена! Господи, чего бы это ей было стесняться, если, по сути, все уже произошло, и предстоит самое что ни на есть банальное продолжение?

– Что случилось? – в недоумении спросил я. – Что-то не так?

– Кое что, – быстро ответила Талия, на секунду взглянула на меня, и снова отвела взгляд. – Антон, ты хорошо помнишь, что ты искал женщину необыкновенную?

Скрытый смысл этой фразы, самого понятия «необыкновенная женщина» нехорошим холодком прополз у меня по позвоночнику.

– Конечно, помню, – стараясь казаться совершенно спокойным, ответил я. – Как же мне не помнить того, что я сам написал.

– Так вот, я не совсем обыкновенная женщина, – подняла на меня глаза Талия. – Вернее, совсем необыкновенная. И сейчас как раз самое время поговорить об этом.

Ледяной и горячий душ обрушились на меня практически одновременно. Ну, конечно! Журнальчики, вопросыки... Вот она, та необыкновенность, о которой, дескать, при встрече! Блин, надо же быть таким тупым! Весь ужас ситуации в одно мгновение и почему-то только в эту секунду стал мне совершенно очевиден. Если я правильно понимаю все эти ее недомолвочки, то рядом со мной, хоть и в виде совершенно офигенной телки, пусть и с очень красивой грудью и совершенно женской фигурой лежит такая же, как на журнале? То есть, не *такая*, а *такой*?! Да неважно, пусть будет даже «*такая*», но что *она* в таком случае скрывает от меня, в таком случае совершенно очевидно. Это что же получается – с мужиком, что ли, в койке-то я лежу? Мама дорогая! Нет: сорри, чувак – ой, то есть, экскюзе муа, барышня, но – хрен в штаны, ноги в руки! Оказывается, не настолько я прогрессивен в вопросах прогрессивности!

Бежать, бежать! И, наверное, все эти мысли нашли на моем лице такое ясное отражение, что, когда я, наконец перестал пялиться на нижнюю часть тела Талии, и встретился с ней взглядом, то по выражению ее глаз сразу понял, что она поняла мои размышления абсолютно точно. И что в своих догадках я абсолютно прав.

– Так ты?... – не зная, как буду продолжать, начал фразу я.

– Да, я транссексуалка, – закончила за меня Талия. – Как ты очень образно выразился, чудо природы.

Я совершенно не знал, что говорить и что делать, а на Талию было просто больно смотреть. Минуту назад, когда я вышел из ванной, в ее глазах была милая улыбка и легкое кокетство, а сейчас ее глаза потухли, как будто свернулись лепестки только что радостно распустившейся было лилии, и вся сама она как-то сникла. Тем не менее она первая нарушила повисшее тягостное молчание.

– Да, конечно, у меня не было ни малейших оснований полагать, что в своих поисках ты подразумеваешь женскую необычность именно такого свойства, – умершим голосом произнесла она. – Но я надеялась, что может быть...

Внезапно я взъярился. «Да на чем, черт побери, основывалась такая твоя, блин, надежда! – захотелось бросить ей в лицо. – Предупреждать надо!» Я с трудом сдержался.

– Да ладно, чего уж там, – только хмуро и ответил я, снова запахнув свои чресла полотенцем, которое перед тем было уже совсем снял.

Начать собираться, что ли? Да, пожалуй, это самое верное.

– Ты уходишь? – вскинув на меня глаза, полные слез, вдруг как-то очень беззащитно прошептала Талия. – Не уходи!

Ну вот, пошли сопли! Как я этого не люблю! Но больше, чем собственно рыдающих дам, я не люблю свое абсолютное неумение отказывать им, когда они вот так распускают нюни. Ну как можно бросить девушку в таком состоянии? Да, это их оружие, знаю, но поделаться ничего с собой не могу. И вообще, какого черта! Ну, не знал ты, что здесь найдешь. Да, ты здесь случайно, но чтобы точно не попасть в такую ситуацию, надо было, блин, домой ехать! А раз приперся, охотник за неведомым, так и гляди. А уйти сейчас – это как прямо сказать, что мне, мол, с тобой, с неведомой зверушкой, тошно и противно. Это как взять, и ни с того, ни с сего вклепить во весь мах пощечину. Нет, джентльмены так не поступают, а я считаю себя джентльменом.

– Я не уйду, – сказал я ей в ответ.

Я улыбнулся, обнял Талию одной рукой за плечи, прижал к себе, и она, коротко вздохнув, как-то очень доверчиво свернулась калачиком в моих объятиях. Ее правая грудь совершенно естественно оказалась в другой моей ладони. Какая мягкая, но в то же время неподатливо – упругая. Так что же, это – не настоящее? Талия, словно прочитав мои мысли, сразу пояснила:

– Настоящая, настоящая, моя гордость, – немножечко торопливо начала рассказывать она, явно спеша увести разговор куда угодно, лишь бы подальше от только что прозвеневшей острой грани. – И огромная удача. Грудь начала расти сразу же, как я начала пить гормоны, но что вырастет такое, – она смешно подбросила одну грудь ладошкой, – нельзя было и мечтать! Врачи удивлялись, говорили, что это редчайший случай, когда такая грудь вырастает просто на общих гормонах. Ни у кого из наших нет такой груди, все сохнут от зависти.

– А они что, искусственные делают? – спросил я, догадавшись, о каких «наших» шла речь. – Силиконовые?

– Ну да, – кивнула Таша. – Если своя не растет, что остается делать? Хотя это и видно, что не настоящая, и небезопасно. Импланты, бывает, рвутся там, внутри, например, от случайного удара, авария там, или что еще. А это все, беда, операция, и ходи потом неизвестно сколько с одной, пардон, сиськой, представляешь?

Я представил. Выходило ужасно грустно, но Талия, на ресницах которой еще не просохли слезы, так весело и беззаботно рассмеялась своей шутке, что улыбнулся и я.

– Да, повезло, – сделал я вывод и, сообразив, что не вполне понятно, к чему мое замечание может быть отнесено, поспешил пояснить: – В смысле, тебе, с грудью.

– Ага, – закивала Талия. – Зато с другим немножко не повезло. Пришлось еще одну операцию делать.

И она дотронулась пальцами до повязки на шее.

– А-а, это!.. – догадался я, почему-то стесняясь вслух произносить такое мужское слово «кадык». – А почему не повезло?

– Это не всем нужно, – пояснила она. – У некоторых мужчин от рождения кадык вполне... женский, а у меня... В общем, выбора не было.

Она снова погрустнела.

– И что, много у тебя... подружек? – решил увести я тему от ампутационно-протезной тематики. – Ну, таких, как ты?

– В смысле, в мире? – оживилась Талия. – Сотни тысяч, думаю. А в Москве – тех, кто на виду, кто постоянно тусуется, человек тридцать. У нас это хоть давно уже не под запретом, как при совке, но отношение в обществе все равно такое, что человек, даже если и чувствует, что родился не со своим полом, сто раз подумает, прежде чем открыто объявить об этом, а уж чтоб решиться на операцию... Многие не идут на это хотя бы из-за гормонов.

– Да, а вот гормоны? – подхватил я, замечая, что не без интереса втягиваюсь в разговор. – Их что, нужно постоянно принимать?

– Нет, слава Богу! – всплеснула руками Талия. – Сначала приходилось пить постоянно, в огромных количествах, строго по схемам! Тошнило постоянно, говорят, как при беременности. Но зато сразу все пошло, видишь, грудь, бедра. А сейчас только для поддержания. Я только что сдала гормональный профиль, все нормально, тьфу, тьфу...

– И давно ты на этих гормонах?

– У-у, давно, еще со школы.

Еще со школы! Господи, сколько же всего перенесла эта хрупкая девочка, которую угораздило родиться таким же хрупким мальчиком! Каково ей, вернее, тогда еще ему, было – лет во сколько? в двенадцать, тринадцать? – начать осознавать, что с ним что-то не так, что он не такой, как все? Когда ее сверстников начинали волновать ночные поллюции, а сверстниц – первые менструации, что волновало этого подростка? Да уж, для неокрепшей детской психики – просто кошмар!

– Но еще предстоит глотать эту гадость в лошадиных дозах, – продолжила Талия.

– Зачем, если у тебя и так все в норме, – изумился я.

– Перед операцией, и после нее, – пояснила Талия.

А, вон оно как! Скоро это чудо природы превратится в обыкновенную женщину.

– И скоро операция? – острожненько так задал я вопрос, который почему-то меня очень заинтересовал.

– Неизвестно. Во-первых, врачи говорят, что чем больше до операции только на гормонах будут угнетены все мужские функции, тем лучше. Конечно, эрекции у меня уже нет...

Меня передернуло. Боже, эрекция! Куда я попал?! Но Талия не заметила и продолжала:

– ... но всякие эпиляции еще приходится время от времени делать, чтоб не росли волосы, где не нужно, и все такое. Ну, а во-вторых, финансы. Я принципиально не хочу делать операцию здесь, а за бугром это – бешеные деньги! Дешевле всего в Тайланде, там это на потоке за десять-двенадцать тысяч. Но в юго-восточную Азию я тоже не хочу – и далеко, и климат не по мне. А в Европе это стоит от тридцати до пятидесяти тысяч. Такие деньги у меня пока, мягко скажем, не предвидятся. В общем, теперь ты знаешь, на что мне нужна материальная поддержка.

Она так неожиданно заговорила об этом, что я вздрогнул. Ее прекрасные чистые глаза смотрели на меня очень-очень грустно. Мне стало не по себе. Еще старый пошлый анекдот про «...трахаю и плачу, трахаю и плачу!» вспомнился – как раз в тему. Я еще обнимал ее за голые плечи, но руку с груди убрал.

– Не обращай внимания, – снова все очень правильно поняв, тут же спохватилась Талия. – Про деньги это я так. И потом, с тобой все совсем по-другому, не так, как бывало раньше.

– А как бывало? Кто-то относился к *этому* по-другому? – спросил я.

И подумал, – зачем спросил? Не иначе, комплименты понравилось получать?

– Да по-разному бывало, – невесело усмехнулась Талия, – Кто-то вел себя, как в зоопарке, а было раз – откровенно потешались. Меня это тогда по молодости так довело, что я чуть глупостей с собой не наделала, представляешь?

При этих воспоминаниях глаза ее потемнели.

– Козлы! – вырвалось у меня, и Талия сразу же сменила тему.

– Давай, я включу музыку? – полувопросительно сказала она, уже щелкая дистанционкой.

Магнитола на журнальном столике ожила, и я в который уже раз выпал в осадок. Конечно, после всего предыдущего общения я и не ожидал услышать Верку Сердючку или Децла, потому как глубоко убежден, что наличие ума и души проявляются прежде всего в том, какую музыку человек слушает. Но чтоб такое! По первым же аккордам я узнал волшебную «Wearing The Inside Out».

– Ты первая моя знакомая, которая слушает Пинк Флойд! – совершенно откровенно восхитился я. Талия расплылась в улыбке, весь ее вид говорил, что похвала ей приятна.

– Ты первый мой знакомый, который узнал эту музыку, – вернула мне комплимент она.

– «Division Bell» – мой любимый альбом, – продолжил шутливую пикировку я, одновременно решив проверить, насколько глубоки ее познания в дискографии музыкантов – может так, нахваталась по верхам и выделяется тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.